

УДК 323(470+571)

Егоров В.Г.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИИ

АННОТАЦИЯ

В статье представлен авторский взгляд на историко-культурные основания современного российского социально-политического процесса, формирования стратегии общественного развития, релевантности институтов и практик, заимствованных из западного культурного опыта в процессе реформирования российского социума. Поэтапно рассматривая отечественную историю, автор выявляет структурные факторы, обусловившие особенности российского национального этоса, конфигурацию модели взаимодействия общества и власти, политического порядка, рефлексии демократии общественным сознанием.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

отечественный исторический процесс, социокультурные основания, инклюзивные институты, направления модернизации, определение стратегии общественного развития.

V. Egorov

*Moscow Region State University
10A Radio ul., Moscow 105005, Russian Federation*

CIVILIZATIONAL PREREQUISITES FOR THE POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC EVOLUTION OF RUSSIA

ABSTRACT

The article presents the author's view on the historical and cultural grounds for understanding the current Russian socio-political process, and the formation of the strategy for social development. Besides, the relevance of institutions and practices borrowed from Western cultural experience in the process of reforming the Russian society is covered. Gradually considering the domestic history, the author reveals the structural factors that determined the features of the Russian national ethos, the configuration of the model of interaction between society and power, the political order, the reflection of democracy by the public consciousness.

KEY WORDS

domestic historical process, sociocultural foundations, inclusive institutions, directions of modernization, definition of the strategy of social development.

ВВЕДЕНИЕ

Очевидность расхождения векторов общественного развития постсоветской России, казалось бы, вставшей на путь, начертанный культурным опытом развитых стран Запада и самих архитекторов либерально-демократической перспективы, актуализирует целый ряд не только академических, но и практических проблем. Спектр открывающейся в связи с нерелевантностью простого копирования западной модели социального устройства проблематики представляется не только масштабным, но и чрезвычайно важным с точки зрения оптимизации выбора общественной стратегии, купирования неконструктивных, но затратных направлений социально-политической эволюции в условиях ограниченности национальных ресурсов (оцениваемой в соотношении с потребностями темпов и грандиозностью задач социальных преобразований, сохранения суверенитета и культурной самобытности).

При этом рассуждения и попытки расставить точки над *i* в определении причин, препятствующих имплементации России в либерально-демократический мейнстрим, используя категории западных социальных наук, на поверку оказываются непродуктивными или порождают сентенции в той же мере агрессивные и ненаучные, как и усилия ура-патриотов, предлагающих отгородиться российской культурной «особостью» и «мессианской неповторимостью».

Ощущение «разности» или, по крайней мере, отсутствие желания выработать подходы сближения западного и российского обществоведения приводит к тому, что всё более явственно намечается дезинтеграция мирового академического пространства в его гуманитарном сегменте.

Отчасти источники такой бифуркации не только коренятся в политических и идеологических разногласиях, но являются следствием нерешённости задач научной рефлексии историко-культурного контекста черт и сущностных характеристик общественного развития, обуславливающих актуальный социально-политический процесс, в том числе, российскими обществоведами.

Можно с уверенностью сказать, что, несмотря на внешнюю деидеологизацию отечественной истории, трактовки её узловых концептуальных аспектов, в том числе и тех, которые должны «проливать свет» на особенности «культурного кода» России, определяющего и её эволюционный потенциал, по-прежнему освещаются в формате прежней ортодоксии.

Таким образом, *цель* настоящей работы состоит в анализе историко-культурного контекста, обуславливающего современное состояние российского социально-политического процесса. Реализация поставленной цели предполагает решение ряда *исследовательских задач*:

- осветить особенности генезиса российской государственности, определившие ход и направления её дальнейшего развития;
- показать основания отечественной демократической традиции, обусловившие современный российский демократический «транзит»;
- раскрыть содержание влияния татаро-монгольского нашествия на эволюцию политического порядка средневековой Руси;
- проанализировать специфику формирования и развития российского феодализма и системы крепостничества в контексте становления режима самодержавного абсолютизма в России;
- определить основные черты взаимоотношения власти и общества в контексте сложившегося патерналистского государства;
- дать характеристику эксклюзивных черт российской модернизации, раскрывающих оригинальное качество её последствий и результатов;
- охарактеризовать сущностные черты Великой русской революции, сказавшиеся на эволюции отечественного социально-политического процесса XX в.

ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Одной из важнейших черт российской культурной самобытности стал процесс формирования древнерусского государства. Вопросы по существу этого процесса посещают каждого вдумчивого исследователя с самых первых попыток его осмысления.

Общеизвестны многочисленные труды замечательного советского и российского историка, археолога В.В. Седова и его выступление на расширенном заседании президиума Российской академии наук в ноябре 2002 г. «Этногенез ранних славян» [42]. Согласно подкреплённым археологическим материалом утверждениям В.В. Седова, славянские племена заселяли Восточно-Европейскую равнину в V–VII вв. по двум направлениям, к тому времени имеющим существенные культурные различия: первое (северное) из висло-одерского ареала, пшеворской культуры (позднее суковско-дзержицкой) – племена, получившие летописное наименование «венедов», продвигались вглубь лесной, северной зоны Среднерусской равнины, образуя территории, объединяемые материальными культурами смелешко-полоцкой и волжско-кляземской; второе (южное) из ареала днестро-днепровского междуречья – племена, именуемые в летописях «анты» (подольско-днепровский вариант черняховской культуры), позднее пеньковской культуры), частично заселив Балканский полуостров, двинулись дальше с юга, огибая Восточно-Европейскую равнину и оставляя материальный след своего продвижения культурами южнорусских земель: волынской, роменской, борщевской, верхнеокской.

Уже в раннем Средневековье на основе культурной интеграции и ассимиляции аборигенных балтских и финно-угорских племён расселившимися по северной части равнины славянами в Псковско-ильменском крае была

продуцирована культура псковских длинных курганов (кривичи псковские) и «древности узменского типа (словене ильменские), в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье, тушемлинская культура (будущие смоленско-полоцкие кривичи), в междуречье Волги и Клязьмы – мерянская культура» [42, с. 603].

В южном направлении славянского расселения постепенно осваивались левобережное Поднепровье (до верховий Северного Донца). В результате нашествия гуннов большая группа славянских племён продвигалась в Среднее Поволжье, оставив след в именьковской материальной культуре [42, с. 604].

Анализ имеющегося в распоряжении археологов материала говорит о том, что вплоть до IX в. славянский мир, обретший постоянную территорию проживания, переживал стадию кровно-родственных отношений, не зная социального деления, частной собственности и в значительной доле был зависим от продуктов, предоставляемых непосредственно природой [3]. Уровень материального производства славян был настолько низким, что не позволял выделить управление в самостоятельную отрасль общественной деятельности, а первые протогорода (городища) являлись центрами родо-племенной организации, объединяющими «сельские» волости.

Таким образом, социально-экономические и политические предпосылки образования древнерусского государства были связаны не с закономерными процессами, происходившими внутри славянского кровно-родственного сообщества, а с внешними факторами, во-первых, способствующими его культурной интеграции, и, во-вторых, создавшими материальное основание генезиса государственности. Таким фактором стало включение волжско-окского и днепровско-волховского речных путей в трансевропейскую торговую систему, сформировавшую, по словам Г.С. Лебедева, уникальную полиэтничную балтославянскую общность [26]. На всём протяжении товарного трафика (основным предметом которого стало куфическое серебро), связавшего Европу и Восточный халифат, были образованы военно-торговые фактории (города эмпориев), контролировавшие и регулировавшие его бесперебойное функционирование. Эмпориев притягивали к себе поликультурное население пассионариев, пренебрегавших мирной обстановкой и оседлым образом жизни. Современная археология располагает достаточным материалом, раскрывающим внутренний мир таких протогородов, располагавшихся в верховьях Волги и Днепровско-волховского торгового направления [3, с. 138–139; 44].

Вполне естественно, что в силу своей военной и судоходной подготовки доминирующее положение в городах эмпориев занимала норманнская элита (варяги, викинги). Дискуссии норманнистов (говоривших об особой их роли в становлении древнерусской государственности) и антинорманнистов (утверждавших, что происхождение государства Киевская Русь – результат внутренних социальных процессов у славян), по мнению А.П. Новосельцева, не заслуживают серьёзного внимания. И варяги, и восточно-европейские

племена «находились в VIII–IX вв. приблизительно на одном уровне социального развития. В этих условиях норманны, разумеется, не могли принести славянам ни более высокой культуры, ни государственности. Зато одностадийность развития способствовала более легкому общественному синтезу пришельцев и аборигенов (славян и фино-угров)» [34, с. 6]. Присутствие в некрополях торгово-ремесленных городов (эмпорий) отдельно располагающихся варяжских захоронений с прослеживаемым по предметам материальной культуры заимствованием славянского компонента отмечали М.Б. Свердлов и И.П. Шаскольский [40].

Место норманнов в формировании древнерусского государства, безусловно, не соответствовало примитивному утверждению об их цивилизаторской миссии и насаждении государственного порядка. Резонно предположить взаимную заинтересованность аборигенов и норманнов, в одинаковой мере извлекающих пользу, в том числе, материального свойства из эксплуатации трансевропейских торговых путей.

Кроме того, акт призвания варягов славянами был обусловлен, как утверждает А.П. Новосельцев, тем обстоятельством, что «значительная часть восточных славян, включая полян, была подчинена хазарам». «Подчинив своему контролю полян, родимечей, северян и вятичей, хазары тем самым держали в своих руках большую часть торгового пути из Европы на Восток». Хазарский контроль, сопровождаемый взиманием регулярной дани деньгами и пушниной, грозил охватить самую северную оконечность торгового пути – «земли словен ильменских и кривичей». В этих обстоятельствах вполне логичным выглядит факт приглашения некоторыми финскими племенами и словенскими варяжских викингов (862 г.) на условиях договора (ряда) [34, с. 6–7; 36, с. 159]¹.

Заняв ведущее место в военно-торговой организации городов-виков, норманнское воинство тем не менее не отличалось особым социальным положением в среде других насельников эмпорий и быстро интегрировалось в славянскую и финно-угорскую культурную среду.

Неразрывная связь культурно-хозяйственных типов земледельческих поселений восточных славян и военно-торговых факторий на пути «из варяг в греки» была предопределена общностью естественно-физического источника их генерации – речной системой, одновременно являвшейся необходимым природным условием земледелия и важной транспортной коммуникацией, обеспечивающей успешную торговлю с внешним миром и транзит товаров с территорий, отстоящих друг от друга на значительном расстоянии [36].

Центральной осью, пересекающей восточно-славянский ареал, являлась речная система Днепр–Ловать–Волхов, определявшая направление расселе-

¹ Дата призвания варягов условна. По мнению многих исследователей, появление варяжских конунгов следует относить к первой половине IX в.

ния славянских племён и являвшаяся основой формирования пути «из варяг в греки». «Двигаясь с юга, славянское население раздвигало к западу и востоку массив балтских и финских племен» [36, с. 160]. На этой же системе образовались главные центры консолидации восточно-славянских земель – Киев и Новгород.

Со второй половины VIII в. благодаря росту транзитных потоков товаров по волжскому пути, связывающему Восток с Европой, в орбиту международных торговых связей были вовлечены территории волжско-окского междуречья, северные и северо-западные области, населённые восточными славянами; устойчивый характер опорного пункта торговли приобрела Ладога [36, с. 165]. Именно в связи с контролем над узловой торговой факторией, «являвшейся воротами на Балтику, если двигаться с юга», и «началом пути с севера вглубь континента», Ладога стала первым форпостом проникновения «варягов» на восточно-славянскую территорию. Позднее в местах, требующих участия этой «организующей силы», появились аналогичные Ладоге фактории: Рюриково городище, Новый Торг, Волок Ламский, Городок Темирево, Михайловское, Сарское поселение и т. д.

Сложившаяся на пути торгового транзита система городов эмпорий предполагала стройную организацию, характеризующуюся наличием княжеской власти, объединявшей равных в социальном статусе дружинников, единого центра – её модератора, в качестве которого в силу своего центрального положения выступил Киев.

По словам В.О. Ключевского, «такие города становились центрами областей, возникали среди населения, жившего по главным речным торговым линиям Днепра, Волхова и Западной Двины» [21, с. 137].

Ещё до образования государства Киевская Русь на севере Восточно-Европейской равнины благодаря функционированию торгового пути, связывавшего Европу с волжско-окским речным путём, формировалась социально-экономическая система, представлявшая собой зачатки ранней государственности [28; 41].

Мотивами, питающими заинтересованность и добровольную интеграцию славянских и финно-угорских племён в военно-торговую организацию Киевской Руси, являлись потребность в сбыте и обмене спорадически возникающих небольших излишков от хозяйственной деятельности (воска, пушнины, вязиги и т. д.) и участие в ширококомасштабных военных кампаниях, дающих возможность обретения трофеев.

В остальном древнерусское государство представляло собой конгломерат княжеско-дружинных сообществ, с одной стороны, и общностей аборигенов (славян и финно-угров), с другой, сохранявших культурную автономию и имевших собственных предводителей [7]. «Отношения между Киевом и другими землями регулировались договорами (русский ряд), – пишет А.П. Новосельцев. – Этими же договорами определялось право великого князя на

полюдьё – основной источник благосостояния ранних киевских князей и их дружины (руси)» [34, с. 15]².

Таким образом, несмотря на добровольную передачу отдельных функций управления (прежде всего судопроизводства и военной организации) княжеско-дружинной знати, славянское общество функционировало в параллельном, автономном эмпориям направлении цивилизационного развития. Сказанное убеждает в необходимости преодоления господствовавшего в советской историографии представления о Киевской Руси как о раннефеодальном государстве, являвшемся результатом процесса классообразования.

При всём желании отыскать надёжные свидетельства наличия в Древней Руси феодализма или даже его зачатков не представляется возможным. Сформировавшиеся «вотчинные» угодья дружинной знати не являлись земельными, а, скорее, представляли собой охотничьи угодья, сосредоточивавшие табуны лошадей и обслуживавших их рабов-холопов. Земледельческое хозяйство не могло являться приоритетным во владениях дружинной знати уже потому, что зерно в силу невозможности транспортировки на большие расстояния не могло быть предметом масштабных торговых операций [47, с. 136–178, 197–215, 288–292].

Таким образом, исторические условия генезиса древнерусской государственности определяли особую конфигурацию отношений общества и нарождавшихся властных институтов. Во-первых, государство с момента своего появления значительно дистанцировалось от общественных интересов, существовало как самодостаточная система, лишь отдельными аспектами своей жизнедеятельности связанная с широкими массами окружающего обширного населения.

Во-вторых, в условиях отсутствия социальной дифференциации как в городах-виках, так и в среде аборигенных племён славян и финно-угров единственной основой государства могла быть только военная организация, привнесённая его варяжским компонентом. В-третьих, государство Киевская Русь не стало результатом порабощения местного населения, но явилось следствием добровольного соглашения между княжеско-дружинной корпорацией эмпорий и славянскими и финно-угорскими племенами и могло существовать на основе относительной комплементарности власти и общества.

Дальнейший ход отечественного социального процесса лишь утвердил и институционализировал заложенные в древней истории тенденции: размежевания государственных и общественных интересов, стремления власти опереться на всё возрастающую силу военно-бюрократической машины, развития ментального представления населения о добровольном делегиро-

² Ни о какой регулярной дани, как в случае зависимости от Хазарского каганата, не могло быть и речи, так как княжеско-дружинные сообщества не имели «за спиной» сколько-нибудь внушительного аппарата принуждения.

вании государству части присущих ему прав и свобод и в связи с этим «стихийного демократизма».

ВЕЧЕВОЙ СТРОЙ И НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Во второй четверти XI в. социально-экономические условия, ранее фундировавшие политическую организацию восточно-европейских племён, претерпевали качественную трансформацию. Во-первых, Восточный халифат, один из «учредителей» торговых путей, проходивших по территории Русской равнины, испытывал трудности политического характера и, наконец, распался. Во-вторых, транзит куфического серебра потерял прежнее значение, так как Европа начала производство собственных цветных металлов. Но самое главное, к этому времени экономическое развитие обусловило качественные социальные изменения восточно-европейского земледельческого населения. Продуктивность земледелия повысилась у аборигенов Русской равнины настолько, что некоторые исследователи определяют сдвиг в их сельском хозяйстве как аграрную революцию. Постепенный переход к трёхполью, использование более совершенных орудий труда и внедрение технологии озимого посева ржи дали синергетический эффект качественного «скачка».

Именно в результате отмеченного прогресса сельского хозяйства происходило разложение кровнородственных отношений, экзогамных семей, формировался институт частной собственности, племенные городища сменялись центрами территориально-соседских общин. Новый источник благосостояния и государственности – земля – актуализировал отличающиеся от прежних основы цивилизационной консолидации общества восточно-европейских племён. Практически нигде центры ремесла и торговли, контролировавшие торговые пути, не совпали с нарождающимися земледельческими центрами. Некогда единая и могущественная средневековая держава Киевская Русь распалась на множество осколков: малые и большие территориальные образования. Княжеско-дружинная знать могла сохранить своё социальное положение только при условии инкорпорированности в политический строй городов-государств, центральным политическим институтом которых стало вече. Киев как центр, объединявший систему трансевропейских торговых путей, утрачивал своё доминирующее значение. Традиция первенства среди других городов по инерции инициировала какое-то время (Юрий Долгорукий) борьбу за великокняжеский престол, но постепенно в противовес бывшей столице вырастали новые центры, объединявшие земледельческие территории.

Вечевые города-государства, чаще добровольно, но где-то с применением силы, пережили процесс окняживания (XI в.). Соперничество двух политических институтов (в равной мере традиционных) в различной для отдельных земель конфигурации и соотношении сил становилось неотъемлемой чертой политического процесса средневековой Руси. «Так в каждой области,

– писал В.О. Ключевский, – стали друг против друга две соперничавшие власти – вече и князь, и по мере того, как городское вече, представлявшее силу центробежную, брало верх над князем, который, как член рода, владевшего совместно всей землей, поддерживал связь управляемой области с другими, городские области все более обособлялись политически» [21, с. 194].

Вопреки бытующему мнению о вечевом характере исключительно Новгородской и Псковской республик, вече являлось обязательным институтом всех политических систем государственных новообразований. Однако это не даёт основания абсолютизации и универсализации вечевого порядка в различных территориях и землях. Соотношение земско-вечевого (демократического) и княжеско-дружинного (централизаторского) начал определялось местными социально-экономическими условиями, а вернее, способностью агрегировать продукт, необходимый для обеспечения функциональности нарождающейся «почвенной» государственности земледельческих общин. Именно поэтому особая материальная состоятельность вечевого начала в Новгороде и Пскове обусловила второстепенную роль княжеско-дружинного компонента. И, напротив, дефицит материального основания государственности земледельческих общин на северо-востоке Русской равнины обернулся попыткой князя, только оторвавшегося от киевской власти (Андрей Боголюбский), противопоставить собственные амбиции воле ростово-суздальских общин [22].

Отрезок отечественной истории с XI по начало XIII вв., несмотря на конкуренцию двух центральных институтов княжеской и вечевой власти, с большой долей основательности можно характеризовать как период, в течение которого в наибольшей степени проявлялись интегрированность интересов общества и государства.

Результат относительно короткого исторического этапа «народной демократии» с точки зрения влияния на дальнейшее формирование российского этоса трудно переоценить. Во-первых, именно в это время утверждалась общинность, ставшая важной чертой не только менталитета, но и предпосылок, определяющих политическую реальность и образ справедливого миропорядка в общественном сознании. Наличие этого культурного феномена власть всегда имела в виду при осуществлении социальных преобразований. В ходе либеральных реформ середины XIX в. общинность народа, безусловно, питала содержание как крестьянской, так и земской реформ. Даже коллективизация сельского хозяйства большевиками опиралась на стремление селян жить и работать общинно. Община, как важнейший институт консолидации деревни, просуществовала до начала 30-х гг. XX в. Во-вторых, сложившаяся система отношений народа, объединённого вечем, и государства обусловила ещё одну черту российского политического процесса: представление о том, что действительным источником власти является только народ, делегирующий персонафицированные полномочия князю / царю / гене-

ральному секретарю / президенту, которое в общественном сознании совсем не соответствует представительству вообще и парламентаризму в частности.

Для создания хотя бы видимости «вечевой» легитимности складывавшегося самодержавия российские монархи вплоть до середины XVII в. были вынуждены собирать земские соборы, которые, конечно, не имели ничего общего с подлинным представительством, но создавали прецедент одобрения народом.

ПОСЛЕДСТВИЯ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Глубокие социально-экономические последствия имело включение разорванной на отдельные общины и государственные образования Древней Руси в состав монгольской империи. В трактовке этого непростого периода отечественной истории наблюдается некоторый перекокс в сторону акцентов, отражающих тяжесть потерь вследствие собственно нашествия, бремени татарского ига и стихийного народного сопротивления. При этом другие не менее важные и необходимые для создания объективной картины происходящих в XIII–XV вв. событий остаются вне поля зрения исследователей.

Думается, не без основания В.О. Ключевский считал, что если бы не внешний фактор (татаро-монгольское нашествие), то удельный порядок на северо-востоке Руси, в формировании которого существенную роль играла колонизация ранее не освоенных земель, неизбежно свёлся бы к вражде и большому обособлению друг от друга «лоскутных территорий».

Детально исследовавший обстоятельства трагедии XIII в. в Северо-Восточной Руси А. Насонов отмечает, что только Рязань и Владимир, оказавшие серьёзное сопротивление, были значительно разрушены, в то время как сдавшиеся завоевателям Ростов, Углич, Ярославль, Тверь, Кострома, Переяславль «не подверглись, кажется, такому опустошению и разорению» [33, с. 218].

Небезусловной выглядит оценка «сокрушительной» роли татаро-монгольского ига в экономике Северо-Восточной Руси. Труды археологов содержат убедительные свидетельства преимущества технологических приёмов обработки металлов, ювелирного, гончарного производства XIV–XV вв. мастерству «домонгольского времени» [2, с. 221].

Совсем неблагоприятным занятием стало бы «взвешивание» отрицательных и положительных последствий акта интеграции Древней Руси в состав монгольского государства. Безусловно, не умаляя трагизма, связанного с понесёнными нашей страной жертвами и потерей тысяч угнанных в рабство, всё же следует заметить, что в ряду последствий монгольского завоевания нельзя упускать его положительные стороны. Существование русских земель в составе огромной империи значительно расширило, говоря современным языком, их «информационное пространство» за счёт связей с территориями древних цивилизаций Китая, Персии, Мавераннахра.

Как показывают новейшие исследования, ведущей отраслью экономики и основным источником благосостояния Орды был не «выход» с подвласт-

ных территорий³, но организация международной торговли, участником которой стал, естественно, и «русский улус». Согласно современным археологическим данным, уже к концу XIII в. русские города возрождались и вели активную торговлю со странами Востока [35, с. 46–84]. Существование в условиях активного культурного обмена укоренило в российском аксиологическом «коде» особое качество адаптивности к культурной интеракции, укрепившееся впоследствии в ходе «внутренней колонизации» [53].

Кроме того, русские земли, включённые в состав Орды, стали реципиентами значительного объёма благ социального и материального порядка, например почтового сообщения, налоговой системы, бумаги, чугуна, денег и т. д.

Однако при всей многозначности проблемы последствий татаро-монгольского господства следует указать, что номады существенно повлияли на дальнейший ход социально-политического развития России [17, с. 173–203].

Во-первых, историческое соперничество между вечевой демократической и княжеской центральной властью завершилось в пользу последней. Ордынский ярлык, вручаемый князьям как символ права на управление русскими землями, подкрепляемый военным могуществом татарской конницы, стал весомым аргументом княжеского доминирования в отношениях с вече и «земской» администрацией (посадниками, воеводами, тысяцкими и т. д.). «Монгольское владычество отняло у этих “парламентов” (вече – *V.E.*), – пишет Э. Каррер д’Анкокс, – всякий смысл для их существования, и они исчезли» [18, с. 37].

Борьба за независимость Московского государства – безусловно, дело всенародное – совпала с желанием князей поучаствовать в дележе «монгольского наследства». Кочевая империя уже ко второй половине XIV в., после правления хана Узбека (1313–1341), вступила в полосу кризиса «великой замятни». И дело, конечно, не в поражении хана Тохтамыша (1380–1395) от «великого хромца» Тамерлана, который так же, как и крымский хан, стремился поживиться за счёт ордынского наследства. Современные исследователи справедливо считают причиной упадка Золотой Орды неестественное соединение в её социально-экономическом строе кочевого и оседлого укладов, развивавшихся вокруг приблизительно 150 городов, являвшихся важными центрами торговых караванных путей. Как убедительно показано, вынужденная оседлость номадов вела к быстрому убыванию пастбищного пространства и в конечном итоге к ухудшению материального положения Орды, требовавшей всё более увеличивавшихся расходов на содержание управленческого аппарата, войска, удовлетворение социально-культурных потребностей [25, с. 87–120]. Все дальнейшие политические устремления русских государей вплоть до завоевания Казани и Астрахани укладываются в логику борьбы за «ордынское наследство».

Во-вторых, татаро-монгольское иго инициировало социальный раскол

³ Достаточно лояльный режим взимания выхода позволил, например, Ивану Калите использовать в своих политических целях значительную часть причитающихся татарам средств.

славянского и финно-угорского общества. Князь и его окружение, стремясь переложить основную тяжесть «выхода» на плечи общинников, по сути, вынужденно занимали протатарскую, антинародную позицию. Дистанцирование княжеско-дружинной власти значительно увеличилось.

В-третьих, складывавшаяся под влиянием татаро-монгольского присутствия политическая система приобретала деспотический характер. Дело в том, что центром формирования государственности, идущей на смену Киеву и разрозненным политическим центрам вечевого периода, стал северо-восток Русской равнины (конкретнее, две соперничающие столицы – Москва и Тверь), куда перемещались значительные массы земледельческого населения южных и юго-западных земель. Историки высказали много гипотез относительно того, почему именно Москва стала центром нарождавшегося государства с доминировавшей земледельческой отраслью общественного хозяйства на самой непригодной для земледелия территории. Одни говорили о выгодном географическом положении [45, с. 34, 35; 50, с. 458], другие – об особой поддержке московских князей Ордой [23, с. 208]. Более корректно выглядит концепция, предложенная А.А. Горским, который считает, что естественно-природные условия северо-востока Руси, не позволявшие содержать на этой территории сколько-нибудь масштабного оккупационного конного контингента, создавали вокруг Москвы более благоприятную среду обитания.

Внешнее давление ограничивалось в этом болотистом, заросшем непроходимым буреломом регионе контролем за своевременным и полным сбором «выхода». На основе анализа происхождения московских боярских семей первой четверти XIV в. А.А. Горский констатировал: «Таким образом, усиление военной мощи Московского княжества на рубеже XIII–XIV вв. во многом, по-видимому, было связано именно с приходом на службу Даниилу Александровичу служилых людей из Южной Руси – Черниговского и Киевского княжества». Каждую из переселившихся семей сопровождали холопы и дружины, насчитывающие более 1,5 тыс. человек [1; 8, с. 9]. Массовый исход из Южной Руси в Московию наряду с естественными условиями, создающими комплементарный режим существования в составе монгольского государства, и явились определяющим фактором возвышения Москвы.

Однако на северо-восток переселялось земледельческое население, которое продолжало заниматься земледелием в самых неблагоприятных условиях. Вследствие этого производимый здесь прибавочный продукт был настолько скудным, что его изъятие на нужды нарождавшейся государственности требовало избыточной централизации и жёсткости, что в конечном итоге предопределило деспотический характер московской власти. «Нигде в Европе, – пишет Э. Каррер д'Анкокс, – сельское хозяйство не было на протяжении столетий столь малопродуктивным, недостаточным, как в России, несмотря на огромные пространства, чтобы прокормить население» [18, с. 32].

Таким образом, основными последствиями татаро-монгольского завоевания стали институционализация централизации политической системы и формирование деспотического характера государственной власти, интересы которой на протяжении всей последующей истории Отечества, во-первых, являлись приоритетными, во-вторых, как правило, не интегрировались с общественными и, в-третьих, не имели ни моральных, ни законодательных ограничений и подчиняли себе всё без исключения стороны жизни социума, включая личное пространство каждого россиянина.

РОССИЙСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ И КРЕПОСТНИЧЕСТВО

Формирование всепоглощающего режима доминирования государственной власти тесно связано, или даже обусловлено двумя процессами: генезисом и развитием феодализма и системы крепостничества в России. Оба эти процесса имели два встречно направленных вектора развития, идущих «сверху» от государства и «снизу» от наделённых обязательствами перед государством подданных. Отрицая такую постановку проблемы, следовало бы встать на сторону одной из крайних точек зрения, согласно которым «архитектором» феодализма и крепостничества являлись либо алчущие богатства служилые землевладельцы, либо деспотическое государство. В реальности, как уже было сказано, становление и того, и другого стало результатом встречных направлений социальной эволюции. «Да, на месте Золотой Орды возникла новая – Российская империя, – пишет Э.С. Кульпин, – но культурно-цивилизационную и организационно-практическую преемственность новой империи от старой нельзя назвать впечатляющей» [25, с. 123]. На месте империи, основными источниками благосостояния которой являлись торговля и агрегирование поликультурно-цивилизационного потенциала, формировалось государство с сельскохозяйственным материальным фундаментом, продуцировавшим скудный ресурс развития. Мало того, его агрегирование обусловило особую деспотичность, абсолютность центральной власти, исключающую сколько-нибудь широкий простор индивидуальной инициативы и свободы личности.

«Не было у московских князей необходимых навыков управления, не было китайских и других иноплеменных компетентных советников, которые стояли у истоков великой монгольской империи. Не было материальных ценностей, конфискованных у побежденных народов. Не было квалифицированных мастеровых, насильственно собранных из числа тех же народов для устройства центра империи, промышленности, обслуживания государственного аппарата. Не было кочевников – социального слоя, самим своим предыдущим развитием приспособленного к постоянной территориальной мобильности, готового стать связующим звеном для передачи информации и материальных ценностей. Не было самой природой приготовленных хороших дорог. И многого другого чего не было. Но самое главное, не было развитого производства и обмена, дающих возможность концентрировать деньги

– всеобщий эквивалент, столь необходимый для развития государства. Не было «засилья» иноземных купцов, таможенные сборы с которых наполняли казну «звонкой монетой». Поступления в казну от внутренней торговли также были незначительны: торговля была слабо развита, расстояния – большими, дороги – плохими. Не было навыков контроля за производителем, да и ремесленное производство в сравнении с Западной Европой было крайне слабо развитым» [25, с. 127, 128].

Земледельческая хозяйственная специализация территории реципиента новой государственности определила встречный государственной централизации вектор генезиса феодализма. Существовавшие в XV в. естественных и социально-экономических процессов описано в цитируемой книге Э.С. Кульпина.

Дело в том, что основная масса населения, занявшего Северо-Восточную Русь⁴, занималась «подсечно-огневым кочевым земледелием», которое требовало массовой вырубki лесных массивов. После эксплуатации участок, отвоёванный у леса, мог снова восстановить прежние качества только через сорок лет.

Мало того, уже использованные после вырубki пространства в лучшем случае вторично зарастали подлеском, а большей частью (в зависимости от гидрологических особенностей) превращались в болота и гнилотные водоёмы. Совокупность факторов: «малый ледниковый период», наступивший с XV в., и рост населённости – обусловила социально-экономический кризис земледельческой цивилизации Северо-Восточной Руси («кризис природы и общества» – Э.С. Кульпин). Исчерпание возможностей подсечно-огневой системы, начавшееся в XV в., сопровождалось болезненным переходом к пашенному земледелию. Проблема заключалась в том, что свободный кочевник-земледелец, выходя в ополья, уже не мог трансформироваться в свободного фермера, владевшего на правах частной собственности возделываемой землёй. Земля к тому времени (и это зафиксировано в Судебнике 1497 г.), по монгольскому праву, принадлежала прежде всего государству и, по принципам распоряжения, вотчинным владельцам (боярам и монастырям). И даже укоренившись на «черных землях», крестьянин не становился собственником обрабатываемой пашни, а следовательно, лишился стимула к созданию интенсивного хозяйства, рыночных отношений и, по сути, оставался оседлым «кочевником». Такое положение дел обусловило, во-первых, деспотический характер российского феодализма, исключавшего иные, кроме внеэкономических, репрессивных, методы взимания ренты, что абсолютно соответствовало идущему «сверху» процессу абсолютизации власти и установлению крепостного порядка; во-вторых, скудость прибавочного продукта основной отрасли экономики, изъятие которого требовало установления жёсткой централизации, сопровождав-

⁴ Согласно утверждениям этого автора, славянское население Древней Руси за время татаро-монгольского нашествия удвоилось.

шейся разрастанием единственной опоры власти – военно-бюрократического аппарата – и становлением охватывающей все слои общества крепостной системы, в которой дворяне и даже самые знатные сановники обременялись обязательством перед государством и в отношении последнего являлись такими же «холопами», как и простой крестьянин. Видимая привилегированность дворянства объяснялась лишь более высоким его положением в служебной иерархии государства, но не определялась высоким происхождением или более близким к абсолютной монархии положением.

Российское крепостничество сформировалось в XVI–XVII вв. как всеобъемлющая система, охватившая все группы и слои населения, имела «вертикальную структуру, включающую государственный (основной), корпоративный и частный (подуровни), в зависимости от того, кто являлся субъектом крепостнических отношений – государство, корпорация или отдельный человек» [32, Т. 1, с. 361]. Крепостная система внутри страт поддерживалась круговой порукой и взаимными гарантиями выполнения обязательств, прежде всего перед государством. Российское крепостничество и феодализм как социальный феномен характеризовались рядом основополагающих качеств: «1) вне экономической, личной зависимостью от господина: отдельного лица, корпорации или государства; 2) прикреплении к месту жительства; 3) прикреплении к сословию; 4) ограничением в правах на владение частной собственностью и на совершение гражданских сделок; 5) ограничением в выборе занятия и профессии; 6) социальной незащищенностью; 7) возможностью лишиться достоинства, чести, имуществ и подвергнуться телесным наказаниям без суда, по воле господина» [32, Т. 1, с. 361].

Соборное уложение 1649 г. формализовало крепостные отношения всех слоев населения с государством [29].

Формирование феодализма и крепостничества придало государственному строю России принципиально новый качественный облик: централизованной, деспотической системы, охватывавшей все стороны общественной жизни вплоть до «нижней» экзистенциальной сферы – индивидуального и бытового уровней российского этоса.

По этому поводу корифей отечественной исторической науки С.Ф. Платонов писал: «Грозный родился именно в это время торжества нового государственного строя, когда исчезла самостоятельность уделов, когда Новгород и Псков утратили последнюю тень своей политической особенности, когда московский великий князь на деле стал “вся Русские земли государь”, когда, наконец, все население объединенной страны стало сознать себя “крепким” государству» [39, с. 31, 32].

Ставший «колыбелью нового государственного строя», основу которого составляли национально особенные феодализм и крепостничество, Московский «удел» распространял свой политический и социальный порядок на объединяемые земли.

В свете новых представлений о централизованном государстве, формирующемся вокруг Москвы, современными историками пересматривается однозначно положительная оценка включения в сферу его влияния других территорий, сохранение суверенитета и социально-политического строя которых раскрывали перед ними более позитивную историческую перспективу.

В трудах П. Смирнова, посвятившего значительную часть своих изысканий истории отечественных городов, содержится большое количество фактического материала, свидетельствующего о запустении мест, по которым прошёл молох централизаторской деятельности Москвы.

Он, в частности, писал: «во второй половине столетия, к которой относится и рассказ Курбского о разгроме “великого места” Грозным, Новгород Великий стремительно падает под влиянием целого ряда причин, как упадок балтийской торговли, разгром опричнины, эпидемия, война ... Из четырех с лишним тысяч черных дворов, которые значились в нем в начале XVI столетия ... к 1579 году на Софийской половине города оставалось жилых только 158 дворов, пустыми стояло 468...» [43, с. 18] и т. д.

Не имея ясного представления о причинах явления, Н.Д. Чечулин показал массовое бегство посадского населения в XVI в. из подмосковных городов на «юго-восточные окраины» [51, с. 344–347].

Огосударствление российской ремесленной отрасли, генерировавшей на Западе бюргерство, протобуржуазия, инициировавшую коммунальные революции и товарно-денежные отношения, показал в своих работах Т.П. Ефименко. По мнению исследователя, в Московском государстве широко практиковалось право правительства принуждать ремесленников к различного рода работам и посылать их целыми партиями из одного города в другой. Более того, автор подчёркивал, что отдельные ремёсла издавна входили в состав того или иного «пути» и находились в полном подчинении лица, им заведующего. С введением приказной системы, как отмечал автор, ремесленники были разделены и розданы в заведование отдельных приказов, что привело к дроблению ремёсел и подчинению каждого своему особому «тяглу». Т.П. Ефименко соглашался с известным исследователем русских городов И. Дитяниным, который видел в этом «характерную черту ремесленной жизни Московского государства» [11, с. 129].

Исторических свидетельств бегства на окраину попавших в невыносимую кабалу крестьян в научных источниках и литературе великое множество. Таким образом, качественные черты новой московской государственности, основу которой составляли национально особенные феодальные отношения и крепостная система, обусловили не просто качественные черты российского этоса: индивидуальную пассивность, трудовую апатию, безинициативность в обустройстве быта и личного хозяйства и т. д. – но и устои, сыгравшие определяющую роль в формировании социально-экономического строя в целом.

Так, полное подчинение всех сторон жизни интересам государства, всеобъемлющая крепостная система препятствовали генезису института частной собственности и развитию товарного хозяйства, что помимо экономической отсталости обусловило важные социальные последствия, а именно аннигиляцию предпосылок становления правового порядка. На частную собственность как источник современных законов и права справедливо указывали основоположники австрийской экономической школы [31, с. 33, 34].

Источниками поддержания социального порядка в российском государстве оказались не закон и право, но государственная власть, опирающаяся на военно-бюрократический аппарат, религиозные устои, поддерживаемые православием, нормы обычного права, действующие на уровне общинного мира. Именно поэтому, когда в силу исторических обстоятельств эти «столпы» давали слабину, народная инициатива выливалась в «беспощадный бунт» и социальную деструкцию.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

В результате централизаторской миссии Москвы на северо-востоке Руси сложилось государство вотчинного типа. Попытку дать научное обоснование такого рода политическим образованиям сделал М. Вебер в «Теории социальной и экономической организации». Уже появились первые сочинения, описывающие политический строй Московского государства в контексте такой дефиниции. Так, Р. Пайпс утверждает: «Государство не выросло из общества, не было оно ему и навязано сверху. Оно, скорее, росло рядом с обществом и заглатывало его по кусочку» [37, с. 38].

Не отвлекаясь на пространную характеристику политического порядка вотчинного типа, отметим, что его отличали крайняя степень централизации и отчуждённости от общества, мотивация на реализацию прежде всего собственных интересов и потребностей. Вряд ли правомерна сама постановка вопроса о возможности альтернативы «по пути развития зарождавшихся предбуржуазных отношений» [12, с. 8].

Для вотчинного типа государства характерны персонифицированная вертикаль исполнительной власти, патерналистский тип управления и редистрибутивный способ распределения материальных благ, присущий личному владению. И среди факторов, определяющих персонифицированную идентичность государственной власти, был не только присущий феодализму монархический тип политического режима.

В западном средневековом социуме государство, несмотря на наличие монархии, далеко не сводилось к персоне верховного правителя. Наряду с государем в управлении обществом участвовали: включённая в иерархию сюзеренитета сановная знать, формировавшиеся правовые структуры, органы местного самоуправления (прежде всего городского [см.: 4, с. 145–249]), сословного представительства, чиновники. В России чиновничий аппарат и знать так-

же окружали государя, однако не имели той степени самодостаточности, что была на Западе. Российский глава государства, во-первых, являлся самодержцем, а окружающая его челядь (исключая дружинную в Киевской Руси) полностью зависела от его воли (в том числе в социальном и материальном плане). Во-вторых, обособленность и абсолютность (с Петра I) российской монархии от других властных институтов обеспечивалась способом её легитимизации.

По мнению Б.Н. Миронова, «в основе официальной концепции власти лежали четыре идеи: 1) богоустановленность власти, 2) отцовский, или патерналистский, характер власти, 3) царь – непосредственный наместник Бога на Земле (в отличие от западноевропейских королей, которые считались лишь Божьими помазанными) и 4) православное царство – гармоничный мир (так как основано в отличие от других государств на истинной вере, правде и справедливости), управляемый Богом и царем. Русское царство считалось “Новым Израилем”, а русский народ – новым богоизбранным народом по аналогии с библейским Израилем и древнееврейским народом. Итогом русской истории должно стать введение царем своего народа в Царство Божие» [32, Т. 2, с. 116].

Все последующие за Иваном Грозным цари «либо избирались, либо утверждались на престоле земскими соборами, включая самого Петра I, избранного на царство 27 апреля 1682 г.» Процедура избрания фиксировалась «утвердительной грамотой» [32, Т. 2, с. 116]. Земские соборы в этом политическом процессе, конечно, не были представительными органами, но являлись символами народной легитимности, «черпавшими» таковую в сохранявшейся исторической памяти преемственности вечевой демократии.

Венчание на царство называлось «священным» и считалось народом таковым, так как сопровождалось особым таинством – миропомазания. «Согласно православному учению, во время миропомазания царь получал от Бога силу и мудрость для осуществления власти (в государстве и церкви), хотя и не посвящался при этом в духовную иерархию и не принимал на себя власти священнодействия и учительства, как это было в случае с византийскими императорами, хотя начиная с венчания Федора Алексеевича в 1676 г. он причащался по священническому чину и тем самым признавался равным человеку, имеющему священство. Обряд коронования имел магический и религиозный характер. После церемонии материя, покрывавшая помост, на котором происходило венчание, разрывалась на куски и дарилась присутствовавшим. А царь после обряда должен был 8 дней не умываться и не менять платья» [49, с. 60, 61]. Подобно тому, как брак без венчания в церкви не имел законной силы, так и «брак» царя с царством не имел силы без обряда венчания на царство. Обряд соединял государя с народом в священный нерасторжимый союз, возлагавший обязанности на обе стороны, а не только на народ. Государь брал обязательство защищать православную веру и подданных от внешних врагов, править «по правде и справедливости», по-христиански, т. е. в соответствии с христианской моралью, а народ обязывался повиноваться» [32, Т. 2, с. 116, 117].

Такая конфигурация отношений общества и власти брала истоки в политическом строе Киевской Руси и домонгольской вечевой демократии. Однако не только преемственность вечевому порядку, сохранявшаяся к тому времени только в ментальности и народной памяти, но и социальная реальность времени складывания Московского государства фундировали такой способ легитимации власти. В иных реалиях об историческом вечевом прошлом тем более самодержец никогда бы не вспомнил. Однако закономерный процесс формирования самодержавия в силу скудости материального основания не был обусловлен прочной социальной опорой. Даже аристократия и служилое сословие, материальное и социальное положение которых непосредственно зависело от лояльности власти, не проявляли безусловного стремления следовать государственным интересам. Опричнина, движение И. Болотникова, «тушинское воровство», бесконечные изменения, стрельческие бунты, движение декабристов, вплоть до перехода значительной части царского офицерства на службу большевикам свидетельствуют, по крайней мере, о шаткости социальной опоры самодержавия на сословие феодалов.

В Европе абсолютная власть монарха стала результатом политического порядка, конфигурация которого строилась на «лавировании» между социальными интересами нарождавшейся буржуазии и феодальной аристократии. В России такой порядок был невозможен не только в силу отсутствия вплоть до второй половины XIX в. признаков зарождения капитализма, но и в силу того, что на отечественной почве процесс формирования социальных идентичностей (классообразование согласно марксистской аксиоматике), а следовательно, и консолидированных политических предпочтений не был завершён даже к Великой революции начала прошлого столетия [см.: 10; 13].

Основание российского самодержавия замещали два «столпа»: военно-бюрократический аппарат, в большей степени охранявший собственный статус в государственной иерархии, обеспечивавший положение в социуме, и институт монархии, но не персону монарха (подтверждением тому могут служить дворцовые перевороты, события февральской революции), и соборность как институт свободного духовного единения народа, активно поддерживаемого православной традицией. Системообразующая роль православного единства народа вокруг самодержавия в наиболее «выпуклом» виде была представлена уваровской формулой «Православие, Самодержавие, Народность».

Соборность россиян нашла зримое воплощение, в том числе, в институте общины, обеспечивавшем приоритет коллективного над индивидуальным. Однако такой коллективизм, как справедливо отмечал Н.А. Бердяев, полностью «растворял», «подчинял личность», обрекал последнюю на «созерцательную» активность. Личная инициатива, замкнутая общинным эгалитаризмом, не получала простора, в том числе в политической сфере. Таким образом, российский социальный строй характеризовался, с одной стороны, политической субъектностью «духовного коллективизма» (по Н.А. Бердяеву)

и, с другой, индивидуальной социально-политической пассивностью основной массы сельского населения. Отсюда проистекал и национально особенный характер проявления народного движения, как правило, не связанного с политическим участием и ситуативной рефлексией по поводу текущего неустойчивого, но принимавшего форму разливающегося «кровавыми потоками» и выходящего за легальные границы бунта.

Таким образом, сформировавшаяся персонифицированная вертикаль исполнительной власти и способ её легитимации через «соборное» одобрение обусловили особый политический режим, не имеющий аналога в мировой истории. Сами по себе проявления диктатуры и демократии, вполне естественные феномены мирового политического процесса, в российском «издании» составляли специфический симбиоз, казалось бы, взаимоисключающих друг друга социально-политических реалий.

Вряд ли какой-либо абсолютный монарх России мог управлять страной без оглядки на уваровскую «народность», переступая грань соборного единения, за которой оказывался бы под угрозой «беспощадного бунта». И дело даже не в угрозе стихийного выступления народа, обычно пассивного в случаях повседневного неустойчивого. Особенность национально-социально-политического процесса заключалась в присутствии в его контенте реального «народовластия», легитимизирующего персональное самодержавие монарха. Такое «качество» народной демократии совершенно отличалось от представительства и парламентаризма, сущностно редуцирующих волю народа до механизма трансляции общественных интересов элитой.

В этой связи не лишним будет напомнить о таком явлении российской политической истории, как двоевластие (февраль – июнь 1917 г.), воплотившем стихийную тягу к созданию самостоятельных органов народной демократии и сформированном в соответствии со стремлением сил, ориентированных на реализацию западного опыта парламентаризма, недоступного пониманию большинством российского населения. Совершенно справедливо выглядит оценка, согласно которой значительной части россиян были чужды «демократические ценности февраля».

Содержание актуального дискурса российского демократического транзита (См. таб. 1.) полностью соответствует смыслу непреодоленного дуализма начала XX в.: с одной стороны, западных идей и практик, «укореняемых» на отечественной «неблагодатной почве», с другой, общественных представлений о демократизации и институтах её воплощения.

Опираясь на достоверные эмпирические данные, представители либерально настроенного академического сообщества объявляют реализацию «российской версии “нелиберальной демократии” несбыточной мечтой “правлящей элиты”», и конструкцию какой-то особой чисто российской модели демократии вряд ли «возможной и целесообразной» [38, с. 13].

Таблица 1.
Какая демократия необходима России? (%)

	окт.11	авг.13	сен.14
такая, как в развитых странах Европы, Америки	19	26	13
такая, как была в Советском Союзе	14	17	16
совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике России	49	34	55
России не нужна демократия	7	8	5
затрудняюсь ответить	11	16	11

Источник: <http://www.levada.ru/2014/10/28/nuzhna-li-rossii-demokratiya>

На самом деле игнорирование национального историко-культурного контекста достижения демократической перспективы в практическом плане ведёт к формированию порядка, не адекватного общественным запросам, а следовательно, нестабильного, требующего идеологических, правовых, силовых и т. д. «подпорок», а в научном плане – к бесплодным теоретизированиям и манипулированию наукообразными понятиями и терминами.

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Российская модернизация, понимаемая как процесс перехода от традиционного к современному индустриальному обществу, характеризуется как «догоняющая», но этим не исчерпывается характеристика её качества. Основной особенностью российского модернизационного процесса является его непосредственное инициирование государством, осуществляемое зачастую (как любая революция) через ломку традиционного социально-экономического уклада и, следовательно, приводящее к результатам в виде «достижений», отличающихся по содержанию от западных модернизационных сущностей.

Имея в виду всеобъемлющее государственное присутствие, в том числе в хозяйственной жизни страны, Р. Пайпс назвал Российское государство «патерналистским». При этом он говорил прежде всего не о попечительстве в отношении национальной экономики, а о подчинении последней исключительно державным интересам.

Показательна в этой связи характеристика финансовой политики государства, данная одним из видных отечественных историков С. Князьковым. «Таким образом, – писал он, – финансовая политика Московского государства вся направлялась на одно: возможно усиленное добывание средств с населения путем оброков, податей, налогов и совсем мало заботилась о поднятии благосостояния торгово-промышленных людей путем покровительства промыслам, фабрикам, заводам, мастерским...» Например, «в начале XVIII века один за другим появились новые налоги, сборы: корабельные, рекрутские,

драгунские, с бань и бород, постоянных дворов и перевозов, мельниц и лавок и многие другие ... По данным на 1706 год, только на уплату двухгодичного оброка (2 руб. 69 коп. со двора) нужно было продать или около 7 пудов свинины, или 11 баранов, или 85 кур» [20, с. 305].

Государство регламентировало все стороны нарождавшегося промышленного производства: ассортимент, качество, технологический процесс, мануфактурные отрасли, – исходя исключительно из собственных интересов, а что касается интересов промышленников, то стратегия курса в отношении их исходила из положения, недвусмысленно сформулированного Петром I: «Добрым экономам быть надлежит принуждением» [20, с. 315].

Самым ярким примером Петровской эпохи, связываемой с модернизацией, когда государственная экономическая политика вступала в острое противоречие с хозяйственными нуждами населения, явился запрет на выделку узких крестьянских холстов. «В прежнее время у города (Архангельска) холстом большой торг был, много тысяч крестьян кормилось и немалая пошлина в казну собиралась, а когда указ состоялся, чтобы не ткать узких холстов, но ткать широкие, то крестьянству прибыла немалая тягость!.. Разорились от этого все крестьяне северные», – жаловались обыватели регионов традиционного льноводства» [20, с. 216].

Надо ли пояснять, что революционная ломка традиционных социально-экономических устоев общества в период реформ (петровских, столыпинских и т. д.), без которых государство не могло поддержать свой международный и внутренний статус, как правило, вызывала всеобщее отторжение, но и, мало того, низвергающая традицию отечественная модернизация не продуцировала нового либерального порядка, основанного на самоорганизующей силе рынка.

И хотя к концу XIX столетия благодаря чаяниям либерально настроенных чиновников удалось сделать определённые шаги в направлении рыночного преобразования общественного хозяйства, таковых было недостаточно для того, чтобы воспроизвести экономический порядок, аналогичный западному.

Совершенно справедливо по этому поводу высказался Э.С. Кульпин: «Петр I открыл для России возможность развития, но, вопреки обыденному мнению, широко разделяемому и в научных кругах, – не по европейскому пути. Хотя в области техники, а затем и всей культуры Петр I “двинул” Россию в Европу, но в ментальной сфере возвел непреодолимые преграды на этом пути. При нем завершилось сложение основных ценностей российской цивилизации как целостной идеальной конструкции, неосознанно, но императивно действующего цивилизационного культурного проекта. В этом проекте такие основополагающие ценности европейской цивилизации, как личность, свобода, солидарность, труд, эквивалент, частная собственность, закон не нашли себе места в ряду главных ценностей российской цивилизации, а попытки их внедрения в ходе Великих реформ XIX в. завершились

кровавой Гражданской войной, продолжавшейся в измененном виде вплоть до падения СССР» [24, с. 162].

Особенность российской модернизации в полной мере проявилась в ходе новой экономической политики (март 1921 г.). Вполне успешные экономические преобразования, направленные на регенерацию рынка «упёрлись» в неадаптивность основной массы промышленности (прежде всего тяжелой) к условиям товарно-денежных отношений. Кризис «ножниц цен» осени 1923 г. показал неспособность большинства крупных предприятий, поддерживаемых до революции специальными государственными преференциями, функционировать в условиях свободного рынка. Именно с конца 1923 г. происходит постепенная смена стратегии экономической политики от рыночного регулирования к выстраиванию административно-плановой системы.

Высшим органом, регулирующим торговлю, Комвнутторгом при СТО СССР было принято постановление, запрещающее государственным учреждениям пользоваться услугами частных посредников⁵. Специальной комиссией по регулированию цен при этом комитете устанавливались предельные закупочные и отпускные цены на основные виды сырья и товаров трестов и синдикатов⁶. Строгий контроль над соблюдением установленных цен осуществлял Наркомат РКИ СССР⁷. Обострение в 1923 г. ситуации на сырьевом рынке и кампания за снижение цен на товары национализированной промышленности побудили государство к принятию жёстких административных мер. Со второй половины 1923 г. при СТО СССР стало действовать Сырьевое Совещание, в полномочия которого входила «правильная организация скупки у крестьянского населения и сельских хозяйств имеющегося у них сырья, изучение сырьевого рынка, условий заготовки сырья, нормирование и стандартизация, вопросы содействия восстановлению и развитию производства, торговли и обработки сельскохозяйственного сырья». Как пояснялось в учреждающих Совещание документах, правительство пошло на этот шаг вследствие «обилия частных и других перекупщиков, мешающих правильной работе госорганов и содействующих беспрепятственному росту цен»⁸.

По итогам Совещания право заготовки сырья было ограничено узким кругом государственных учреждений. Например, монопольное положение в закупке и реализации хлопка занял Главхлопок, объединяющий все паевые товарищества и акционерные общества, шерсти – Всесоюзное акционерное общество «Шерсть», кожи – Кожсиндикат, Госторг и Акционерное общество «Кожа» и т. д. Кооперации, в том числе и промысловой, разрешалось заготавливать необходимое сырьё лишь с позволения указанных организаций или, в исключительных случаях, непосредственных производителей, через артели

⁵ Российский Государственный Архив Экономики (далее: РГАЭ). Ф. 8151. Оп. 5. Д. 2. Л. 40.

⁶ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 3. Л. 6, 7.

⁷ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 3. Л. 8.

⁸ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 2. Д. 1. Л. 3. Об. 4.

и товарищества, располагавшиеся в местах заготовки⁹. Частные посредники, способные отчасти составить конкуренцию госорганам, вытеснялись с сырьевого рынка. Для этого применялся разнообразный набор средств: запрещение госорганам заключения договоров на поставку предпринимателями сырья, прекращение выдачи на местах патентов вновь организовывавшимся частным заготовительным предприятиям, публикация Комвнотторгом обязательных цен на сырьё, прямое изъятие специальным распоряжением из свободного обращения определённых видов товаров и т. д.¹⁰.

Российская модернизация, осуществляемая патерналистскими методами, открывая путь индустриализации, не продуцировала либеральный, основанный на рыночных отношениях порядок. Поэтому российское социальное пространство даже после осуществления индустриализации сохраняло традиционные черты. В своей работе, посвящённой «советской цивилизации», С.Г. Кара-Мурза (см.: [16]) справедливо отмечал, что успех большевистских социалистических преобразований во многом обеспечивался именно тем, что таковые осуществлялись с учётом традиционных устоев социума.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Безусловно, правы те историки, которые предлагают рассматривать революционные события в России начала XX в. как единый процесс, в основе которого лежал фундаментальный «критический аспект» – кризис сельского хозяйства, поколебавший устои традиционного уклада жизни подавляющей части россиян, проживающих в деревне [52, с. 63].

Ангажированные оценки советской историографии, призванные облечь в конкретно-историческую форму историософские постулаты о закономерной смене капиталистической формации коммунистической и об объективных предпосылках социализма, во-первых, представляли единый процесс русской революции 1905–1922 гг. фрагментированным на буржуазный и социалистический этапы, хотя ещё К. Каутский призывал «смотреть на неё не как на революцию буржуазную в обычном смысле этого слова, а также не как на социалистическую, а как на совершенно своеобразный процесс» [52, с. 52].

В переведённой Л.Д. Троцким статье «Движущие силы и перспективы русской революции», написанной ещё в 1906 г.¹¹, в виде ответов Г.В. Плеханову К. Каутский справедливо указал, что «масса русского народа состоит из крестьян. То, что приводит в движение последних, это – аграрный вопрос. И вот все более и более он выступает в России на передний план как тот вопрос, от решения которого зависит судьба революции ... Крестьяне образуют в России не только бесчисленную массу населения, на которой покоится

⁹ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 2. Д. 10. Л. 36, 36 об.; Д. 4. Л. 4, 5.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 2. Д. 140. Л. 7. Об. 7, 107.

¹¹ Не случайно К. Каутский уже в 1906 г. говорил о русской революции как об уже начавшемся процессе.

сельское хозяйство, но и все здание народного и государственного хозяйства. Вместе с сельским хозяйством рухнет и это последнее» [19, с. 18–22].

Релевантность взгляда Каутского на содержание русской революции определила современный дискурс её научной рефлексии как революции, отличавшейся от «городских» революций и по существу являвшейся «сельской». Крестьяне «составляли большинство населения, которое протестовало против попыток элиты осуществить “модернизацию сверху”, т. е. “сельские” революции вдохновлялись призывами к консервации традиционных социальных отношений. В таких общественных группах прошлое составляло неотъемлемую часть настоящего. Дети и внуки должны были повторять жизненный путь отцов, дедов и прадедов, или хотя бы не противоречить их ценностям» [9, с. 9].

Самым достоверным и полным источником, характеризующим социально-экономический кризис крестьянского хозяйства России к началу XX в., являются хорошо известные историческому сообществу «Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний». Приведём лишь несколько наиболее очевидных данных, характеризовавших кризис крестьянского хозяйства. С 1870 по 1900 гг. площадь сельскохозяйственных угодий в Европейской России увеличилась на 20,5%, а количество скота (главный показатель интенсивности сельского хозяйства) – на 9,5%, при этом земледельческое население – на 56,9%. Подушное владение землёй за этот период уменьшилось по 50 центральным губерниям на 43,7%. В самых плодородных: Юго-Западном регионе – на 50,5%, Малороссии – на 42,5%, Новороссии – на 58,8% [30, Часть 1, с. 212, 267]. Несмотря на общий рост урожайности, сбор хлебов с надельной земли на 1000 душ обоего пола в центре России уменьшился за этот же период на 12,1%, с учётом картофеля – на 5,6% [30, Часть 1, с. 268]. Обеспеченность лошадьми крестьян центральной полосы России с 1896 по 1914 гг. упала с 20,2 ед. на 100 человек до 17,6 ед., крупным рогатым скотом – с 32,1 ед. до 25,0 ед., овцами – с 42,8 до 32,3 ед. и т. д. [5, с. 44]. Нехватка земли и собственных материальных ресурсов регенерировали худшие образцы дореформенной эксплуатации наиболее состоятельной частью земледельцев крестьянской бедноты [5, с. 48–51].

Конечно, было бы упрощением представлять эпохальное историческое событие, каким является Великая русская революция, одномерно. Как верно отмечал В.П. Дмитриенко, содержание революции и факторы, его определявшие, структурировались на несколько уровней, главный из которых, конечно, наполнялся крестьянским вопросом. Однако был и уровень, отражавший противоречия, «которые отражали специфику, особенности России, ее исключительную многоликость. В новом ракурсе проявлялись сложные взаимоотношения между географическими и экономическими районами, укладами жизни, быта, между городом и деревней, центром и окраинами, между разными конфессиями, между русскими и представителями других народов» [14, с. 150]. Имелся

уровень, который составляли противоречия, «которые были обусловлены необходимостью преодолеть ставшее опасным отставание страны от передовых индустриально развитых стран (в области технологии, науки, производительности труда, квалификации кадров и общей культуры населения, вооружения армии, уровня потребления). Они обуславливали необходимость совершения Россией очередного исторического “скачка” наподобие тех, которые она вынуждена была осуществить в XVI и XVIII вв. на этапах догоняющего развития. Эти противоречия носили общецивилизованный характер и затрагивали совокупные интересы общества, в особенности тех социальных групп и слоёв, которые были объективно заинтересованы в сохранении и укреплении России как великого государства, поддержании его единства и достоинства. Начиная крутой, ускоренный поворот к мировой цивилизации с конца XIX в., передовые силы России осознали жизненную необходимость сбросить оковы средневековья, замкнутости, изоляционизма. Главными их противниками выступали абсолютизм, остатки феодализма в деревне, на окраинах» [14, с. 149].

Необходимо только уточнить, что большей частью силы, направлявшие этот уровень революционного движения (предприниматели, землевладельцы, успевшие осуществить рыночное преобразование своих хозяйств, либерально настроенная интеллигенция), составляли февральский вектор революции, не способный, как показали дальнейшие события, умиротворить массы и довести революционный процесс до логического разрешения причин, его породивших. Лаконично суть разновекторности Февраля и Октября выражена метафоричным суждением одного из авторов либеральной ориентации: «В 1917 году в России случилась антипрогрессистская *реакционная революция* (выделено мной – В.Е.)». Она была первой в череде революций нового типа, направленных против современности. «России начала XX века более всего соответствовал политический режим 1906–1914 годов – это её мера демократии. Послефевральские свободы оказались для страны чрезмерны (прежде всего культурно, ментально). Февралисты эту меру уже переросли, а большинство народа до нее еще далеко не созрело» [6].

Революция, осуществлявшаяся в основном носителями традиционного уклада и политическими силами, выражавшими их интересы, не могла инициировать либерально-демократический порядок, частную собственность, правовой режим, уважение к интересам личности, т. е. все необходимые атрибуты для воспроизводства цивилизационных черт, присущих западному миру. Все попытки придать российской модернизации западнические ориентиры всегда оказывались провальными и только обостряли накал социальной напряжённости. Так было с либеральными преобразованиями середины XIX в., так было со столыпинской аграрной реформой¹², так было и с политикой «военного коммунизма».

¹² Л.Н. Толстой по поводу указа 9 ноября 1906 г. писал в статье «Пора понять»: «Царское правительство ... в насмешку над законными требованиями крестьян дало им закон 9 ноября, вносящий только еще новое зло в их отчаянное положение» [46].

Таким образом, и Великая русская революция, отразившаяся грандиозными последствиями мировой истории, не увенчалась качественной трансформацией традиционного социально-экономического строя России. Напротив, как и в случае с нэпом, большевики и советская власть в целом были вынуждены учитывать именно традиционную социально-политическую реальность всякий раз, когда назревала необходимость осуществления преобразований.

СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

К началу и в ходе периода, который принято определять в советской историографии как «переходный от капитализма к социализму», Россия / СССР оставалась / -лась страной общинной, во многом распространявшей традиционный порядок из села в город. Об этом много пишут авторы, его исследовавшие. «Там, где существовал сельсовет, – пишет С. Холмс, – он заседал всего 6–8 раз в год. Лишь 32% сельсоветов в Российской Республике имели собственный бюджет, который был равен 16% общинного. В некоторых случаях сельсовет был не в состоянии функционировать самостоятельно и становился не чем иным, как дополнением к общинной сходке» [48, с. 27].

Осуществляемая большевиками коллективизация, помимо прогностической цели изыскания средств на индустриализацию и организации неэквивалентного обмена города и деревни, строилась на доминирующей в крестьянском укладе общинности. По этому поводу Моше Левин, посвятивший свои работы исследованию советской истории России, писал: «коллективизация вызвала целый ряд изменений, которые укрепили многие элементы крестьянской культуры и вели к “окрестьяниванию” русской жизни. Коллективизация укрепила среди крестьян традиционное чувство недоверия к чужакам и отрицательное отношение к городским и государственным формам власти. Таким образом, коллективизация способствовала «консерватизму и привычному укладу жизни, боязни перемен, неприятию научных достижений, недоверию к городам и горожанам, и враждебности по отношению к государству в лице его бюрократов, идей и полицейских»; первое поколение крестьян, переживших коллективизацию, представляло «воспроизведение отсталых русских; мужиков, а не современных, кооперируемых, технически оснащенных фермеров» [27, с. 117; 54].

С момента «развала» Советского союза и крушения отечественной социалистической системы не остывает накал научных дискуссий относительно причин «величайшей трагедии». Вряд ли можно отрицать наличие многих из перечисляемых причин: инспирированное падение цен на нефть, подрывную деятельность западных спецслужб, антисоветские настроения элиты, в том числе союзных республик, непосильное бремя интернациональной помощи, гонка вооружения и т. д. Все эти факторы, конечно, внесли свой «вклад» в крушение центра реального социализма. Однако в научной лите-

ратуре практически отсутствует указание на два системных фактора, о которых говорила Р. Люксембург в своей работе «Введение в политическую экономию». Оппонируя К. Марксу, выдающаяся «продолжательница его дела» говорила, что одной монополизации капитализма не достаточно в качестве материальной предпосылки социализма. Для его победы, по мнению Р. Люксембург, требовалось достижение технологического уровня, который бы позволил преодолеть два несовершенства прежней экономической системы, а именно несовершенства в распределении и дифференциации труда и собственности. Именно эти два препятствия, из которых вытекали другие несовершенства советского социализма, привели в конечном итоге к его краху.

Общественная, государственная собственность, предполагавшая только в идеологическом плане равенство и справедливость, обязательные элементы общинного миропорядка и полную гармонию труда с правом распоряжения его результатом, в реальности продуцировала «спецраспределители», заменившие прежнее имущественное неравенство, и государство, выстроившее «социалистическую систему эксплуатации труда» вместо дореволюционного угнетения трудящихся капиталом [15, с. 24]¹³.

Нарушение доминирующего общинного принципа равенства, попытка заменить его «социализмом потребителей» в конечном итоге сыграли свою роковую роль в судьбе страны и социалистической системы.

ВЫВОД

Итак, исторический путь России / СССР, вне всякого сомнения, имел основополагающие отличия от западного культурного опыта, что изначально после крушения социализма должно было стать основанием для осознания нерелевантности попыток воспроизвести либерально-демократическую стратегию общественного развития. В этом смысле ориентация на укоренение западных институтов и практик в отечественной почве в перспективе также контрпродуктивна. При этом неконструктивность копирования западного цивилизационного опыта совсем не означает невозможности культурной интеграции с Западом, напротив, открытость создаваемой российской социальной системы является необходимым условием её жизнеспособности. Тем более неверно представлять ракурс определения направления движения вперёд в плоскости простых схем: «демократия–диктатура», «рынок–администрирование», «запад–не запад» и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.В. Ещё раз о князе Данииле Московском // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 173–174.
2. Беленькая Д.А. Наследие домонгольской Руси в ремесле XIV–XV вв. // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 221–225.

¹³ «Дуальность» советского общества – это сочетание угнетения масс с «наследием Октября».

3. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978. 150 с.
4. Вебер М. Город. М.: Strelka press, 2017. 252 с.
5. Вовков В.В. Экономическое положение крестьян в России в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 41–63.
6. Глебова И.И. Время выбора // Независимая газета. 2017. 2 ноября.
7. Горский А.А. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 43–52.
8. Горский А.А. К вопросу о причинах возвышения Москвы // Отечественная история. 1997. № 1. С. 3–12.
9. Дубинин С.К. Выйти из замкнутого круга. Судьба революции в России // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 5. С. 8–24.
10. Егоров В.Г. Социальный состав ремесленного населения России во второй половине XIX века // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 28–40.
11. Ефименко Т.П. Очерки организации городских ремесел в Московском государстве XVI и XVII веков // Журнал министерства юстиции. 1914. № 4. С. 114–162.
12. Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времен Ивана Грозного. М., 1992. 184 с.
13. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004. 572 с.
14. История России. XX век / А.Н. Боханов и др. М.: АСТ, 2001. 608 с.
15. Капустин Б.Г. Постсоветская история России – взгляд снизу [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2015. Июль–август. Спецвыпуск. С. 8–27. URL: http://www.globalaffairs.ru/media/docs/2015_rus_4_spec.pdf (дата обращения: 21.05.2018).
16. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2001. 528 с.
17. Каргалов В. Русь и кочевники. М., 2004. 512 с.
18. Каррер д’Анкокс Э. Незавёршенная Россия. М.: РОССПЭН, 2005. 191 с.
19. Каутский К. Движущие силы и перспективы русской революции. М., Л.: Государственное издательство, 1926. 30 с.
20. Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1914. 708 с.
21. Ключевский В.О. Сочинения: в 8 т. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 425 с.
22. Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64.
23. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей: в 7 т. Т. 1. СПб., 1880. 760 с.
24. Кульпин Э.С. Альтернативы российской модернизации, или реставрация мэйдзи по-русски // Полис. Политические исследования. 2009. № 5. С. 158–169.
25. Кульпин Э.С. Золотая Орда (Проблемы генезиса Российского государства). М.: Московский лицей, 1998. 240 с.
26. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. 640 с.
27. Левин М. Русские крестьяне и советская власть. Исследование коллективизации. Ростов-на-Дону, 1997. 251 с.

28. Лесной С. Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории. М.: Алгоритм, 2005. 384 с.
29. Маньков А.Г. Соборное уложение 1649 г. Кодекс феодального права в России. Л.: Наука, 1980. 273 с.
30. Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России : в 3 ч. СПб., 1903.
31. Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социалистический анализ. М.: Catallaxy, 1994. 416 с.
32. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): в 2 т. СПб., 1999.
33. Насонов А.Н. Монголы на Руси // Мир Льва Гумилёва. Русский разлив: в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 64–263.
34. Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 3–17.
35. Новые исследования археологов России и СНГ: материалы пленума ИИМК РАН, 28–30 апреля 1997 г. СПб., 1997. 164 с.
36. Носов Е.Н. Речная сеть Восточной Европы и её роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.
37. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004. 496 с.
38. Петухов В.В. Демократизация российского общества: возможна ли вторая попытка? // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 8–23.
39. Платонов С.Ф., Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1998. 221 с.
40. Свердлов М.Б., Шаскольский И.П. Культурные связи России и Швеции в IX–XVI вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://ulfdalir.narod.ru/literature/articles/culture.html> (дата обращения: 24.05.2018).
41. Седов В.В. Русский каганат IX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3–15.
42. Седов В.В. Этногенез ранних славян // Вестник Российской Академии наук. 2003. Т. 73. № 7. С. 594–605.
43. Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века: в 2 т. Т. 1. Вып. 2. Количество и движение населения. Киев, 1919. 356 с.
44. Славяно-русские древности: Древняя Русь: новые исследования. Вып. 2. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1995. 250 с.
45. Станкевич Н. О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Учёные записки Московского университета. Ч. 5. М., 1834. С. 34–35.
46. Толстой Л.Н. Пора понять [Электронный ресурс]. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/pora-ponyat.htm> (дата обращения: 21.05.2018).
47. Фроянов И.Я. Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. 372 с.
48. Холмс С. Социальная история России 1917–1941 гг. Ростов-на-Дону, 1994. 148 с.
49. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. 420 с.
50. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в

XIV–XV вв. М., 1960. 901 с.

51. Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. 353 с.

52. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг., 1917–1922 гг. М.: Весть Мир, 1997. 560 с.

53. Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. 448 с.

54. Lewin M. *Russian Peasant and Soviet Power*. London, 1968. 539 p.

REFERENCES

1. Abramov A.V. [Once more about Prince Daniel of Moscow]. In: *Voprosy istorii* [Issues of History], 1997, no. 2, pp. 173–174.

2. Belen'kaya D.A. [The legacy of pre-Mongol Rus in the craft of the fourteenth and fifteenth centuries]. In: *Drevnyaya Rus' Byt i kul'tura* [Ancient Rus. Life and culture]. Moscow, 1997, pp. 221–225.

3. Bulkin V.A., Dubov I.V., Lebedev G.S. *Arkheologicheskie pamyatniki Drevnei Rusi IX–XI vekov* [Archaeological Monuments of Ancient Rus of the IX–XI centuries]. Leningrad, 1978. 150 p.

4. Veber M. *Gorod* [The city]. Moscow, Strelka press Publ., 2017. 252 p.

5. Vovkov V.V. [The economic situation of peasants in Russia in the late XIX – early XX centuries]. In: *Voprosy istorii* [Issues of History], 2017, no. 10, pp. 41–63.

6. Glebova I.I. [The time of choice]. In: *Nezavisimaya gazeta*, 2017, November 2.

7. Gorsky A.A. [The government or a conglomerate of kings? Russia in first half of the X century]. In: *Voprosy istorii* [Issues of History], 1999, no. 8, pp. 43–52.

8. Gorsky A.A. [On the question of the reasons for the rise of Moscow]. In: *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1997, no. 1, pp. 3–12.

9. Dubinin S.K. [To break the vicious circle. The fate of revolution in Russia]. In: *Rossiya v global'noi politike* [Russia in global politics], 2017, iss. 15, no. 5, pp. 8–24.

10. Egorov V.G. [The social composition of the artisan population of Russia in the second half XIX century]. In: *Voprosy istorii* [Issues of History], 2011, no. 1, pp. 28–40.

11. Efimenko T.P. [Essays on the organization of urban crafts in Moscow state in XVI and XVII centuries]. In: *Zhurnal ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice], 1914, no. 4, pp. 114–162.

12. Zimin A.A., Khoroshkevich A.L. *Rossiya vremeni Ivana Groznogo* [Russia of the times of Ivan the Terrible]. Moscow, 1992. 184 p.

13. Ivanova N.A., Zheltova V.P. *Soslovno-klassovaya struktura Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [The estate-class structure of Russia in the late XIX – early XX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 572 p.

14. Bokhaniv A.N. et al. *Istoriya Rossii. XX vek* [History of Russia. XX century]. Moscow, AST Publ., 2001. 608 p.

15. Kapustin B.G. [Post-Soviet history of Russia – the view from below]. In: *Russia in global politics* [Russia in global politics], 2015, July August. Special Issue, pp. 8–27. Available at: http://www.globalaffairs.ru/media/docs/2015_rus_4_spec.pdf (accessed: 21.05.2018).

16. Kara-Murza S.G. *Sovetskaya tsivilizatsiya* [Soviet civilization]. Moscow, Algo-

- rithm Publ., 2001. 528 p.
17. Kargalov V. *Rus' i kochevniki* [Rus' and nomads]. Moscow, 2004. 512 p.
 18. Carrère d'Encausse H. *Nezavershennaya Rossiya* [Unfinished Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 191 p.
 19. Kautsky K. *Dvizhushchie sily i perspektivy russkoi revolyutsii* [Driving forces and prospects of the Russian revolution]. Moscow, Leningrad, State publishing house Publ., 1926. 30 p.
 20. Knyaz'kov S. *Ocherki iz istorii Petra Velikogo i ego vremeni* [Essays from the history of Peter the Great and his time]. St. Petersburg, 1914. 708 p.
 21. Klyuchevsky V.O. *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, State publishing house of political literature, 1956. 425 p.
 22. Kobrin V.B., Yurganov A.L. [The establishment of a despotic autocracy in medieval Russia (problem statement)]. In: *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1991, no. 4, pp. 54–64.
 23. Kostomarov N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei. T. 1* [Russian history in biographies of its main figures. Vol. 1]. St. Petersburg, 1880. 760 p.
 24. Kul'pin E.S. [The Russian modernization alternatives, or Meiji restoration in Russian]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2009, no. 5, pp. 158–169.
 25. Kul'pin E.S. *Zolotaya Orda (Problemy genezisa Rossiiskogo gosudarstva)* [The Golden Horde (Problems of the genesis of the Russian state)]. Moscow, Moscow Lyceum Publ., 1998. 240 p.
 26. Lebedev G.S. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi* [The Viking age in Northern Europe and Russia]. St. Petersburg, 2005. 640 p.
 27. Levin M. *Russkie krest'yane i sovetskaya vlast'. Issledovanie kollektivizatsii* [Russian peasants and Soviet power. Study of collectivization]. Rostov-on-Don, 1997. 251 p.
 28. Lesnoy S. *Otkuda ty, Rus'? Krakh normannskoi teorii* [Where are you from, Rus'? The collapse of the Norman theory]. Moscow, Algorithm Publ., 2005. 384 p.
 29. Man'kov A.G. *Sobornoe ulozhenie 1649 g. Kodeks feodal'nogo prava v Rossii* [The Cathedral code of 1649. The Code of feudal law in Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 273 p.
 30. *Materialy vysochaishe utverzhdennoi 16 noyabrya 1901 g. komissii po issledovaniyu voprosa o dvizhenii s 1861 g. po 1900 g. blagosostoyaniya sel'skogo naseleniya srednezemel'del'cheskikh gubernii, sravnitel'no s drugimi mestnostyami Evropeiskoi Rossii: v 3 ch.* [Materials of the Commission approved by his Majesty on 16 November 1901 for the study of the movement rural provinces from 1861 till 1900 compared with other areas of European Russia :in 3 parts.]. St. Petersburg, 1903.
 31. Mises L. von. *Sotsializm. Ekonomicheskii i sotsialisticheskii analiz* [Socialism. The economic and socialist analysis]. Moscow, Catallaxy Publ., 1994. 416 p.
 32. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.)* [Social history of the Russian Empire (XVIII – early XX centuries): in 2 vol.]. St. Petersburg, 1999.
 33. Nasonov A.N. [The Mongols in Russia]. In: *Mir L'va Gumileva. Russkii razliv. T. 1* [The world of Lev Gumilev. Russian Spill. Vol. 1]. Moscow, 1996, pp. 64–263.

34. Novosel'tsev A.P. [The formation of the ancient state and its first ruler]. In: *Voprosy istorii* [Issues of history], 1991, no. 2–3, pp. 3–17.
35. *Novye issledovaniya arkhelogov Rossii i SNG: materialy plenuma Instituta istorii material'noi kul'tury RAN, 28–30 aprelya 1997 g.* [New research of archaeologists of Russia and UIS countries: materials of the Plenum of the Institute of the History of Material Culture, RAS, April 28–30, 1997]. St. Petersburg, 1997. 164 p.
36. Nosov E.N. [The river network in Eastern Europe and its role in the formation of urban centres in Northern Russia]. In: *Velikii Novgorod v istorii srednevekovoi Evropy* [Velikii Novgorod in the history of the medieval Europe]. Moscow, 1999, pp. 157–170.
37. Pipes R. *Rossiya pri starom rezhima* [Russia under the old regime]. Moscow, 2004. 496 p.
38. Petukhov V.V. [Democratization of the Russian society: is the second attempt possible?]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political Studies], 2017, no. 5, pp. 8–23.
39. Platonov S.F., Vipper R.Yu. *Ivan Groznyi* [Ivan the Terrible]. Moscow, 1998. 221 p.
40. Sverdlov M.B. Shaskol'sky I.P. *Kul'turnye svyazi Rossii i Shvetsii v IX–XVI vv.* [Cultural ties between Russia and Sweden in the IX–XVI centuries]. Available at: <http://ulfdalir.narod.ru/literature/articles/culture.html> (accessed: 24.05.2018).
41. Sedov V.V. [Russian Empire IX century]. In: *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1998, no. 4, pp. 3–15.
42. Sedov V.V. [The ethnogenesis of early Slavs]. In: *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2003, vol. 73, no. 7, pp. 594–605.
43. Smirnov P. *Goroda Moskovskogo gosudarstva v pervoi polovine XVII veka. T. 1. Vyp. 2. Kolichestvo i dvizhenie naseleniya* [Cities of the Moscow State in the first half of the XVII century. Vol. 1. Iss. 2. Number and movement of the population]. Kiev, 1919. 356 p.
44. *Slavyano-russkie drevnosti: Drevnyaya Rus': novye issledovaniya. Vyp. 2* [Slavic-Russian antiquities: Ancient Rus': new research. Iss. 2]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1995. 250 p.
45. Stankevich N. [On the causes of the gradual rise of Moscow to the death of Ioann III]. In: *Uchenye zapiski Moskovskogo universiteta. Ch. 5* [Scientific notes of the Moscow University. Part 5]. Moscow, 1834, pp. 34–35.
46. Tolstoy L.N. *Pora ponyat'* [It is time to understand]. Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/pora-ponyat.htm> (accessed: 21.05.2018).
47. Froyanov I.Ya. *Kievskaya Rus': glavnye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroya* [Kievskaya Rus': the main features of the socio-economic system]. St. Petersburg, 1999. 372 p.
48. Holmes S. *Sotsial'naya istoriya Rossii 1917–1941 gg.* [Social history of Russia 1917–1941]. Rostov-on-Don, 1994. 148 p.
49. Cherepnin L.V. *Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky Sobor of the Russian state in XVI–XVII centuries]. Moscow, 1978. 420 p.
50. Cherepnin L.V. *Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vv.* [The formation of the Russian centralized state in XIV–XV centuries]. Moscow, 1960. 901 p.
51. Chechulin N.D. *Goroda Moskovskogo gosudarstva v XVI veke* [Cities of the

- Moscow State in XVI century]. St. Petersburg, 1889. 353 p.
52. Shanin T. *Revolyutsiya kak moment istiny. Rossiya 1905–1907 gg., 1917–1922 gg.* [Revolution as a moment of truth. Russia 1905–1907, 1917–1922]. Moscow, The whole world Publ., 1997. 560 p.
53. Etkind A.M. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii* [Internal colonization. The imperial experience of Russia]. Moscow, 2013. 448 p.
54. Lewin M. *Russian Peasant and Soviet Power*. London, 1968. 539 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию 21.06.2018

Статья размещена на сайте: 27.08.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Егоров Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: korrka@mail.ru

Vladimir G. Yegorov – Doctor of Historical sciences, Doctor of Economic sciences, Professor, Head of the Department of Politology and Law, Moscow Region State University; e-mail: korrka@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Егоров В.Г. Цивилизационные предпосылки политической и социально-экономической эволюции России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Yegorov V.G. Civilizational prerequisites for the political and socio-economic evolution of Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2018, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.